

ИЗЛОМ ФАРФОРА

Правда, сокрытая в осколках прошлого

Вишневая Заря

Излом фарфора

<https://litres.ru/74397259>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одинокая отшельница Лилит Брайт давно закрыла своё сердце от мира, доверяя лишь сухой логике и страницам детективных романов. Но что, если в один миг её тихая жизнь превратится в расследование из любимых историй? И не чьего-то чужого дела, а загадочной гибели собственной сестры.

Официальная версия смерти — суицид. Однако тайный дневник сестры хранит не прощальные слова, а крик о помощи и невидимый шифр. Чтобы найти убийцу и собрать воедино разбитый фарфор чужой жизни, Лилит придётся разрушить собственный лёд, выйти из многолетнего заточения и довериться человеку, чьи методы далеки от книжных правил.

Содержание

Медовый свет, свинцовая тишина	4
Дело #23	30
Ложь	44
Затишье звездного вечера	53
Дойти до истины	63
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Излом фарфора

Медовый свет, свинцовая тишина

«Она стояла посреди двора и не чувствовала ничего, кроме звенящей, оглушающей пустоты...»

Лилит Брайт медленно провела пальцем по истёршемуся корешку детектива. В её полутёмной гостиной, эта мысль казалась неестественно интересной. На бумаге даже самая страшная трагедия имела логику, структуру и финал.

Очередная трагичная история с красивой развязкой. Но для неё книга являла собой не просто текст, а целый обособленный мир, куда она могла погрузиться без остатка, проживая каждое написанное слово.

Если бы мадам Брайт только знала, что жить в этом покое ей осталось ровно пять минут.

За окнами поместья Брайт весенняя Франция захлёбывалась жизнью: это было время, когда шанс встретить на улице дам в роскошных песцовых мехах с каждым днём становился всё ничтожнее. Утреннее солнце ещё приятно согревало кожу, но ночной холод уже заставлял плотнее кутаться в плед, ведь температура во Франции всё ещё стремительно падала после заката.

Медовые лучи сползали по стене, растекаясь по деревянному подоконнику. Солнечный свет словно спешил коснуть-

ся неподвижной фигуры. И у него получалось. Ослепительные зайчики заставили почти белые ресницы дрогнуть, а девушку — слегка поморщиться. Впрочем, она была слишком увлечена, чтобы оторваться от своего занятия хотя бы на мгновение.

Изящная дама с комфортом устроилась на бархатном диванчике цвета пыльной розы. В её руках покоилась книга, корешок которой уже готов был вот-вот развалиться. Взгляд, полный холодного льда, внимательно скользил от строчки к строчке, и лишь изредка её веснушчатый носик издавал тихий шмыгающий звук. Белокурые, почти пепельные волосы струились по плечам, падая ниже поясницы. Тонкие, по-паучьи грациозные пальцы аккуратно касались пожелтевших страниц, изредка переворачивая их.

Лилит всегда предпочитала общество книг шумным компаниям. И пока её сверстницы изнывали на балах в надеждах сделать удачную партию, мадам Брайт выбирала бумажные судьбы. В такие часы не только комната, но и весь дом погружался в трепетное безмолвие, уважая покой своей хозяйки.

Однако те самые пять минут прошли. На пороге возникла взволнованная пожилая женщина.

— Госпожа, прошу прощения за беспокойство... К вам пришёл детектив, — тихо произнесла Мэдисон, боясь разрушить хрупкую атмосферу.

Мэдисон никогда не жалела, что посвятила семье Брайт почти всю свою жизнь. Это стало для неё спасением от ни-

щеты, преследовавшей её род из поколения в поколение. Она вынырнула Лилит, обучала её, и теперь её сердце, полное материнской нежности, разрывалось при виде отшельнического образа жизни этой прекрасной мадам. Но она уважала любой выбор своей госпожи.

— Прогони, — безэмоционально бросила Лилит, даже не подняв глаз.

Появление очередного сыщика на пороге её скромного поместья не стало неожиданностью. В детстве Лилит действительно увлекалась раскрытием преступлений, когда отец брал её с собой в качестве помощницы. Его совершенно не волновало, что привлечение гражданских строго запрещено — важнее было то, что дочь оказывала неоценимую помощь. Впоследствии различные ведомства и частные агентства не раз пытались переманить её к себе на службу, однако мадам Брайт оставалась непреклонна.

И сейчас Лилит удивлял не сам факт визита, а то, что о ней вообще вспомнили — ведь последний подобный гость появлялся года два назад.

Прошло несколько минут, но Мэдисон так и не вернулась, чтобы подтвердить уход детектива. Из коридора донеслись настойчивые, громкие попытки выставить незнакомца за дверь. Слегка нахмурившись, девушка отложила книгу и с осторожностью выглянула в холл.

— Я, кажется, ясно дала понять, что не имею ни малейшего желания вести с вами диалог, — со стеклянным без-

различием произнесла хозяйка поместья.

— Мадам Брайт, прошу вас!.. Это связано с Эммой! — выкрикнул мужчина в последний момент, прежде чем тяжелая створка едва не задела его нос.

Мэдисон тревожно обернулась на хозяйку. Нарушитель спокойствия был выставлен, но старушка не понимала, отчего лицо Лилит мгновенно помрачнело. Последние слова незнакомца ударили точно в цель. И он это прекрасно знал. Брайт тут же распахнула деревянную преграду и окинула мужчину строгим взглядом с ног до головы.

— Проходите, — коротко кивнула она. Сыщик тут же юркнул вслед за ней, победно бубня что-то себе под нос. Они расположились в той же гостиной, на тех самых бархатных диванчиках оттенка пыльной розы. Гость скромно осмотрелся, отметив утончённую простоту и уют интерьера.

— Меня зовут Ремонд Барнс, я представляю организацию «Арчер». Я безмерно рад, что вы всё-таки согласились принять меня, и вполне понимаю ваше крайнее нежелание общаться, — его лицо неожиданно сделалось серьёзным. — Но, к сожалению, произошло трагическое событие, о котором я обязан вас оповестить.

— Прошу вас, ближе к делу, — с прежней прохладой, но с трудом сдерживая нарастающее напряжение, чеканила белокурая дама.

Он неспешно извлёк из портфеля плотный конверт, отламывая сургучную печать.

— Дело в том, что тело вашей двоюродной сестры было найдено на полу её собственного поместья прошлой ночью. Мне искренне жаль... — с глубоким сочувствием произнёс он и сделал паузу, ожидая реакции. — Однако наша организация не до конца уверена в том, что все есть так, как оно представлено.

Лилит тут же выпрямилась, пытаясь сдержать леденящую дрожь ужаса. В её глазах блеснула горечь, пустив по щеке одинокую каплю боли. Она отказывалась верить в то, что он только что произнёс.

— Я понимаю ваше горе, но пока у нас есть время, нам нужна ваша помощь, — осторожно произнёс он, будто боясь спугнуть и без того ошеломлённую даму.

— Почему вы в такой момент просите об этом? — с печалью выпалила девушка, пытаясь взять себя в руки. — Разве в вашей организации мало первоклассных сыщиков, способных справиться с этим делом?

— Вы правы, они у нас есть, — с надеждой заглядывая в хрустальные глаза хозяйки, ответил Барнс. — Однако ни у одного из них нет столь близкой связи с погибшей, как у вас.

Повисло минутное молчание. Взгляд Лилит задержался на кофейной пуговице его жилета, которая, казалось, держалась на честном слове и могла оторваться в любой момент. В иное время её эстетическое чувство оценило бы этот образ, выдержанный в тёплой гамме: брюки, жилет и переброшенный через руку пиджак идеально гармонировали с рыжева-

тым оттенком волос детектива. Это и правда заслуживало одобрения мадам Брайт, но только не в контексте текущего разговора.

— Насколько мне известно, ваша тётушка, мадам Ришар... — задумчиво начал он, но был тут же прерван.

— Я не хочу касаться темы моих родственников, — отрезала девушка.

Заранее выстроенный сценарий беседы рухнул от одного холодного слова белокурой Брайт, сбивая сыщика с толку.

— Но... как она умерла? — так и не решаясь поднять глаза, девушка вытерла шёлковым платком покрасневшие веки.

— Ушла из жизни добровольно, — медленно произнёс он, погружая руку в кожаный портфель с фотографиями.

Лилит замёрзла в немом изумлении

— Простите? Вы, верно, ошибаетесь! Эмма никогда бы так не поступила. Она была самым жизнерадостным человеком из всех, кого я знала, — всхлипнула она, изо всех сил пытаясь сохранить остатки самообладания. — Позвольте мне взглянуть на медицинское заключение.

В самом деле, Эммилия Ришар всегда оставалась той яркой звёздочкой, вокруг которой вращались подруги и кавалеры. Её просторный дом вечно полнился гостями, там не замолкали музыка, смех и пылкие беседы. Неужели за последний год она могла так измениться? Это казалось невероятным.

— Заключение пока в разработке, я смогу принести его

позже, — с лёгким оттенком победы отозвался детектив, радуясь тому, что девушка начинает рассуждать как напарница, а не просто как убитая горем родственница.

Однако Лилит тут же вскочила, будто ошпаренная кипятком:

— Нет, сейчас же уходите! Мне ничего от вас не нужно, — она отрицательно замахала руками.

— Мадам Брайт, пожалуйста, выслушайте! — Ремонд тоже поднялся вслед за хозяйкой поместья. — Вы были единственной, с кем мадам Ришар поддерживала такую духовную близость. Только вы можете знать подробности. Прошу вас... не обрекайте себя на бессонные ночи в сожалениях о том, что не узнали правду!

Взгляд Лилит, полный потрескавшегося льда, метался по комнате. В ней шла жестокая борьба. После того, что девушка видела раньше, она дала себе клятву никогда не возвращаться к расследованиям. Но вспомнив жизнерадостную улыбку сестры, девушку озарила страшная мысль: последние минуты Эммы могли быть куда ужаснее, чем личные страхи самой Лилит. Сестра могла до последнего надеяться на спасение — спасение, которого так и не получила. И Лилит не имела права всё так бросить.

— Я помогу. Но только в этом деле, — с горькой решимостью заявила она.

Ремонд облегчённо выдохнул, стараясь сделать это как можно незаметнее:

— Я искренне рад вашему решению и безмерно благодарен. — детектив коротко кивнул и вернулся к делу — Итак, мне известно, что вы с сестрой были очень близки. Расскажите, когда вы виделись в последний раз?

— Год назад, на похоронах моей тёти, — холодно отозвалась она. — Между нами не было разногласий. Мы присутствовали на траурной церемонии, а после разошлись, не проронив ни слова.

— Но если вы были так близки, почему не искали встреч? Это немного не сходится, не находите? — аккуратно спросил Ремонд, подводя её к истине.

— Я... некоторое время недомогала, и мы не виделись всё это время, — слегка помешкав, неловко ответила белокурая мадам.

— Что-то серьёзное? — с нескрываемым притворным беспокойством уточнил Барнс.

— Тяжело переживала смерть близкого человека... Не хочу об этом говорить, — вновь замкнулась Лилит.

Рем кивнул, задержав взгляд на её холодных глазах, будто пытаясь уловить след фальши. Но внешне он демонстрировал полное доверие каждому её слову.

— Её поведение не отличалось от того, что вы наблюдали обычно? Может она как-то по-особенному прощалась с вами? Обычно, подобный случай отмечает именно изменение в поведении или подобные детали. — задумчиво потер подбородок он.

— Я говорю вам, она не могла пойти на это! — уже с некой яростью заявляла Лилит. — Эмма была разбита смертью матери, но это все, что я могу сказать.

Ремонд лишь вздохнул, будто игнорируя её слова.

— Вы узнаете это кольцо? — на столе оказалась фотография изящного украшения с гравировкой «Ришар» на внутренней стороне ободка.

— По всей видимости, оно принадлежит семье Ришар. Я понятия не имею, — с наигранным безразличием бросила она.

— Оно было надето на палец вашей сестры, когда нашли её тело. Вы не видели его ранее? — снова с надеждой спросил мужчина.

— Не помню. Не могу ответить на этот вопрос, — мадам задумчиво опустила взгляд.

Воспоминания о прошлом были скомканы, точно пожжённый листок: ей трудно было восстановить в памяти даже лица, не говоря уже о мелких ювелирных деталях.

— Если брать во внимание вашу версию...она не оставляла прощальных записок? — тихо сказала Лилит, веря в то, что она хотела услышать.

— Мы нашли лишь клочок обугленной бумаги в камине. Можно предположить, она писала что-то, но решила не отправлять. — детектив заглянул в свои записи, скорее, чтобы удостовериться, что ничего не упустил.

Лилит тяжело вздохнула:

— Мсье Барнс, я знаю, что вы не верите в эту версию смерти. — отчеканила белокурая дама.

Однако она не понимала: это все, что они нашли? А где же дневники Эммы?

Диалог прервался резким стуком в дверь. В комнату вновь вошла обеспокоенная Мэдисон. Теребя сморщенными руками край фартука, служанка нервно заговорила:

— Мадам, прошу прощения, это очень срочно... Прибыл мсье Ришар.

— Передай, что я не смогу его принять, — нахмурилась хозяйка.

— О, нет-нет, не стоит! Я уже ухожу, — с хитрым прищуром вмешался Ремонд. — Но сперва задам пару вопросов вашему дяде.

— В таком случае, я справлюсь сама...а вы идите, — тяжело вздохнула Лилит, внутренне готовясь к непростому разговору.

Ремонд задержал взгляд на её лице, едва выразившем напряжение, и понимающе кивнул, шепнув на прощание: «Я вернусь за вами к семи».

Едва детектив шагнул за порог, как в гостиную быстрой, уверенной походкой вошёл мсье Ришар. На нём был элегантный дорожный костюм, лёгкое пальто с дорогим меховым воротником и трость с набалдашником из слоновой кости. В его облике читалась едва уловимая морская свежесть, смешанная с ароматом дорогого табака.

— Лилит, дорогая моя! — его голос прозвучал неожиданно громко и бодро, разрывая тёмную тишину комнаты.

Он широким шагом приблизился к племяннице и прикоснулся губами к её холодной руке.

— Как же я рад тебя видеть! Ты, как всегда, прекрасна, хотя и выглядишь так, будто в этом доме совсем не открывают штор.

Лилит едва заметно отстранилась, её плечи напряглись:

— Дядя Ришар... Какая неожиданность. Я думала, вы всё ещё в Италии.

— О, я объехал пол-Европы, дитя моё. — он с усталым, но артистичным вздохом опустил в кресло, опираясь на трость. — Неаполь, Генуя, марсельское побережье... После смерти моей бедной Женевьевы я просто не мог оставаться в четырёх стенах. Выжженная земля, Лилит. Нужно было хоть как-то залечить эти раны, сменить обстановку. И вот, наконец, я снова на родной земле.

Он одарил её тёплой, чуть виноватой улыбкой, совершенно не замечая тёмных кругов под глазами племянницы и висящей в воздухе тревоги.

— К слову..., — сухо перебила его Лилит, скрестив руки на груди. — Когда именно вы вернулись во Францию, дядя?

— Нынче утром, дорогая, буквально на рассвете, — Ришар полез во внутренний карман пиджака и вместе с кружевным платком вытащил небольшой бумажный корешок, положив его на край стола. — Пароход из Генуи пришварто-

вался в марсельском порту около шести утра. Пограничный контроль, экипаж, поездка сюда... Я даже не успел заехать к себе. Представляешь, какова была моя спешка? Мне так хотелось обнять тебя и, конечно же, мою малышку Эмму.

При упоминании имени дочери дыхание Лилит перехватило. Она посмотрела на клочок бумаги на столе — это был утренний посадочный талон с штампом марсельского порта, датированный сегодняшним числом. Билет выглядел совершенно подлинным, свежие чернила штампа ещё не успели полностью выцвести.

— Вы... ещё не были у себя дома? — тихо, с придыханием спросила Лилит, всматриваясь в его лицо.

— Нет, сразу к тебе. Решил сделать сюрприз. Кстати, а где Эмма? — Ришар добродушно улыбнулся, глядя на племянницу светлыми, абсолютно спокойными глазами. — Наверняка опять закружилась в своих бесконечных балах и визитах? Я привёз ей чудное кольцо из Венеции...

Лилит посмотрела на дядю, и сердце её сжалось от подступающей тошноты. Перед ней сидел опечаленный вдовец, только что вернувшийся из долгого изгнания и искренне не ведающий, что его единственная дочь больше никогда не примерит венецианское кольцо.

Племянница стояла неподвижно, чувствуя, как внутри неё всё замерзает под этим безмятежным, почти лучистым взглядом дяди.

— Я... я не буду тебя задерживать, дядя, — голос Лилит

прозвучал глухо. — Ты измотан дорогой. Езжай в своё поместье, отдохни. Эмма... она сейчас не дома. Мы увидимся позже.

Ришар тяжело поднялся, опираясь на трость, и снова улыбнулся — той самой мягкой улыбкой, которой он всегда баловал дочь и племянницу.

— Ты права, дитя. Ноги едва держат старика. Море прекрасно, но домашний очаг — это единственное лекарство от печали. Пожалуй, велю заложить экипаж до особняка.

Он снова коснулся губами её руки — холодный, почти официальный жест — и вышел, оставив после себя шлейф дорогого табака и ауру пугающего спокойствия. Лилит проводила его взглядом из окна, пока его карета не скрылась за поворотом аллеи.

Время до семи вечера тянулось томительно, точно густой смола. Когда тяжёлый чёрный автомобиль Ремонда Барнса затормозил у крыльца поместья Брайт, она уже ждала, закутанная в тёмное дорожное пальто.

Они ехали в молчании. Лилит смотрела, как за окном сменяются пейзажи: её скромное поместье с заросшим садом осталось позади, а впереди, на холме, вырастали очертания особняка Эммы Ришар. Если дом белокурой был убежищем тишины, то дом двоюродной сестры всегда был памятником

роскоши.

Когда машина остановилась, мадам невольно зажмурилась, сжав ручку ридикюля. Огромный особняк в стиле неоклассицизма сиял белизной даже в сумерках. Высокие колонны, лепнина, золочёные решётки балконов — всё здесь кричало о богатстве и любви к жизни. Но теперь окна были темны, а у парадного входа дежурил жандарм.

— Готовы? — тихо спросил Барнс, открывая перед ней дверцу.

— Нет, — честно ответила она, — но у меня нет выбора.

Они вошли внутрь. В холле пахло воском и мертвенным холодом. Огромная хрустальная люстра под потолком ловила блики фонаря Барнса. Лилит замерла: её изящные мюли глухо стукнули по дороговому мрамору. Память тут же подбросила картинку: маленькая Эмма в кружевном платье бежит по этому залу, её смех рикошетит от стен, а Лилит пытается догнать её, запутываясь в подоле...

— Тело нашли здесь, — голос Ремонда вырвал её из грёз. Он направил луч света на центр зала.

Лилит медленно подняла голову вверх. Над ними зияла пустота второго этажа — балюстрада, с которой, по официальной версии, прыгнула Эмма.

— Вы говорили про кольцо, — Лилит подошла ближе к тому месту, где лежала сестра.

— Да, — Барнс достал из кармана ту самую фотографию кольца с гравировкой. — Кольцо было на её пальце.

Лилит с сожалением нахмурилась.

— Оно выглядит таким блестящим, совсем новым. — девушка задумчиво вглядывалась в фотографию.

Пораженная его блеском, Эмма могла купить его, как обычно, на очередной ярмарке. Но видно не проносила и недели, запачкав кристальную полировку алой болью.

Барнс внимательно посмотрел на неё, в его глазах промелькнуло понимание. Взгляд детектива проследовал за её силуэтом, блуждающим по комнате. Девушка точным прогуливающимся шагом осматривала знакомые места, повторяя то, что она обычно делала, когда была здесь. Белокурая прошла в противоположный угол, к камину и двум креслам, которые ранее казались непозволительно удобными. Ей тут же вспоминается картина одного из холодных вечеров, который согревал заботливый голос сестры. Обычно они наблюдали за огнем, глотая дорогуший чай, обсуждали горячие темы и просто наслаждались вечером. Брайт была бледна от каждого воспоминания, которое посещало её разум. Ресницы печально дрожали, не в силах передать всего горя, сердце изливало боль, растекаясь по груди.

Она положила руку на дубовый стол неподалеку и провела по нему.

— Здесь слишком чисто. — она замолчала. — Слишком для дома, где только что случилась трагедия.

— Мои люди заметили то же самое, — кивнул детектив. — Горничные клянутся, что ничего не трогали, но дом вы-

лизан до блеска.

— Что ещё вы нашли? — Лилит обернулась к нему.

— Почти ничего. Только тот клочок обгоревшей бумаги в камине, — он показал ей прозрачный конверт с обугленным обрывком, на котором едва что-то читалось. — Больше никаких записей.

Девушка повертела находку в руках, словно всматриваясь в его суть. В самом деле, бумага была средней плотности и имела легкий желтоватый оттенок. Обычно именно такие страницы бывают в личных дневниках дам. Поняв это, Лилит победно кивнула.

— У Эммы были дневники, — "напарница" решительно направилась к лестнице. — Она писала каждый день. Если их не нашли, значит, тот обрывок в камине, вероятно, не её воля — а попытка сокрытия улики.

— Убийца? — Барнс вскинул бровь.

— Поверьте, я знаю свою сестру, — бросила она, взлетая по ступеням на второй этаж.

Она толкнула дверь в комнату Эммы. Запах пудры, лаванды и сладких духов окутал её, сдавливая горло. Здесь всё осталось нетронутым: разбросанные постельные принадлежности, раскрытая пудреница на столике. Лилит на мгновение зажмурилась. Ей показалось, что сейчас дверь распахнётся, вбежит Эмма, звонко рассмеётся и предложит лимонный тарт к чаю.

Мгновение застыло в мертвом безмолвии, подводя к пол-

ному осознанию. Правда разбилась, как стекло. Ей было жаль. Эмма не заслужила такого конца, точно нет. И Лилит больнее даже от мысли, что она не имела даже малейшего понятия о том, что пришлось пережить сестре, что с ней было. Её просто не было рядом.

Лилит тряхнула головой, отгоняя наваждение. Она подошла к изящному туалетному столику на изогнутых ножках. Её пальцы уверенно нащупали незаметный выступ на задней правой ножке. Щелчок и сбоку открылась крохотная дверца. Она вытащила оттуда маленькую книжечку в сафьяновом переплёте. Задержав взгляд на пустом тайнике, Лилит быстро спрятала дневник в глубокий карман пальто. Она уже собиралась что-то сказать Барнсу, но увидела, как тот внезапно замер.

Детектив резко вскинул руку, призывая к тишине. Его лицо мгновенно преобразилось: мягкость исчезла, уступив место хищной сосредоточенности. Вязкая тишина сменилась напряжением, будто все стало наполняться опасным гулом. Что-то приближалось.

— Слышите? — прошептал он.

Снизу, из холла первого этажа, донёсся едва слышный скрип половицы. Затем ещё один. Кто-то был в доме.

Барнс плавно выхватил револьвер из кобуры.

— Оставайтесь здесь. Заприте дверь, если я не вернусь через три минуты, — он не ждал её ответа.

Тенью он выскользнул в коридор и растворился в темно-

те лестничного пролёта. Лилит осталась одна. Сердце коло-
тилось в рёбра так сильно, что она не слышала ничего, кро-
ме этого стука. Оглушающего. Паника накатывала волнами.
Прошла минута. Две. Тишина стала абсолютной, давящей.
Девушка нервно слготнула, не решаясь даже шевельнуться.
Дышать становилось сложнее, будто воздух стал ядовитым
газом. Вдруг на лестнице послышались шаги. Тяжёлые, раз-
меренные. Лилит забилась в угол у кровати, сжимая кулаки.
В дверном проёме показалась тень.

— Лилит... — шёпот был едва различим, но он заставил
её вздрогнуть.

В комнату заглянул Барнс. Его лицо было бледным.

— Быстрее. Уходим через задний выход, — он схватил её
за руку и потянул за собой.

Они вышли неспеша, стараясь не привлекать внимание.
Если там и правда кто-то был, лучше ему не знать, что они
оповещены об этом. Мотор взревел, и особняк Ришар начал
стремительно уменьшаться в зеркале заднего вида.

— Кто это был? — Лилит пыталась выровнять дыхание.

— Не знаю. Кто-то очень осторожный. Он ушёл в подва-
лы, как только понял, что я не один, — Барнс крепко сжимал
руль, его костяшки побелели. — Тот, кто был там, не хотел
встречи. Но он явно что-то искал.

Лилит молчала несколько минут, прижимая руку к карма-
ну, где лежал дневник. Наконец, она решилась:

— Я нашла его, Ремонд. Секретный дневник Эммы. О

тайнике знали только мы вдвоем. — она немного помолчала, рассматривая корешок. — Мы прятали его от её родителей, если вдруг они найдут остальные. Как и в других, она просто описывала свой день или мысли. Но, кое-что не дает мне покоя...

Барнс бросил на неё быстрый взгляд, полный тревоги и внутреннего спора.

— Когда я закрывала дверцу, на ней было написано "23". Я точно знаю, что этого не было раньше. — Брайт задумчиво листала страницы.

— Может вы знаете что оно может означать? — с некоторой надеждой спросил рыжеволосый.

— Я не уверена... Мне нужно время. Разрешите взять его домой, на этот вечер. — она впервые за весь вечер посмотрела на него не с холодом, а с мольбой. — Пожалуйста.

— Лилит, это главная улика... как я могу? — с небольшим воцмущением проговтрил он, неуверенный в своих словах.

— Послушайте, мсье Барнс. Человек, решивший добровольно уйти из жизни оставлял бы прощальные записки и письма, но не скрытые подсказки на тайнике, о котором знали только мы с ней. Она хочет что-то мне сказать. — вновь просила она. — Я уверена, это не самоубийство.

Барнс молчал. Машина плавно катилась по ночному шоссе. Он смотрел на дорогу, но его мысли были заняты этой странной девушкой.

— Хорошо, — наконец произнёс он, и в его голосе прозвучала какая-то обречённая нежность — Оставьте его у себя до утра. Но завтра в девять я буду у вас.

Он сказал это так, будто уже придумал, как прикрыть себя перед начальством. Казалось, для него это привычное упражнение: каждый раз явиться с опозданием, после чего сочинить какую-нибудь отмазку, которая обязательно сработает. Лилит неожиданно позабавилась этой мыслью: может быть, пуговицу с кофейного жилета он и вправду сорвал в спешке, пока собирался? Но сейчас это почти не имело значения. Она стояла на пороге истины, и мелкие человеческие привычки казались ей не более чем мусором на пути.

Через минуту девушка уже неспешно шла по коридору, почти не ощущая собственных шагов. Что-то сдавливало шею и мешало сделать глубокий вдох; боль щипала глаза, и в горле застревал немой крик. Вина? Сожаление? Память, как липкая паутина, обвивала сердце.

Лилит сползла на пуфик у изящного туалетного столика и, не в силах сдерживать эмоций, дала волю слезам. Её горло сжималось от глубокой жалости. Ей было так жаль. Жаль, что их последняя встреча с Эммой произошла не на похоронах, а на пороге поместья Брайт. Несколько месяцев назад Эмма стояла на крыльце, стучала и просила впустить — умоляла о помощи, а Лилит, закрывшаяся в себе, грубо оттолкнула её. Она оставила сестру на улице. Этот факт бил по душе, превращая живое чувство в ледяной, безжизненный

кокон. Если бы она впустила Эмму тогда — была бы она жива теперь? Вопрос звучал в голове как обвинение: борьба совести и холод равнодушия столкнулись в ней с неумолимой жестокостью.

Боль нарастала, словно рана, из которой сочится горячая тоска. Почему так тяжело? Почему сердце разрывается на куски? Нельзя оставаться в этом состоянии — нужно действовать, хотя бы сейчас, хотя бы чемто помочь. Голубоглазая встала, стряхнула с плеч лёгкий плед и направилась к туалетному столику.

Свеча на столике тихо лила восковые слезы на свою серебристую подставку. Свет от лампы и от огня делал лицо девушки странно живым — даже в слезах в нём оставалась какая-то яркость, как у человека, который, несмотря ни на что, умеет светить. Лилит собрала свои разбитые силы и удобнее устроилась на пуфике. Трясущимися пальцами дама откинула кожаную обложку.

Первые страницы встретили её знакомым, размашистым и невероятно изящным почерком сестры. Каждая буква имела лёгкий наклон вправо, словно Эмма вечно куда-то спешила, захлёбываясь от восторга и эмоций.

Лилит начала читать.

«О, Лили, если бы ты только видела этот бал у герцога! Потолок расписан так, будто над головой само небо, а кавалеры сбились с ног,

наперебой приглашая меня на вальс. Мне так нехватает твоей прохладной улыбки рядом, ты бы наверняка высмеяла их пафосные речи...»

14 апреля

Девушка провела пальцем по строчке, запоминая ритм почерка, форму каждого завихрения. Она не заметила, как часы прошли полночь; в комнате пахло воском и старыми бумагами, а слова, сложенные в аккуратные параграфы, стали для неё окном в чужую, давно утраченную жизнь. Каждый абзац звучал в ушах как мелодия, от которой не хотелось отрываться.

Лилит проглотила подступивший к горлу ком. Страница за страницей перед ней разворачивалась привычная жизнь Эммы — светские сплетни, покупки в парижских модных лавках, лёгкие флирты, восторг от новых шляпок и беззаботные прогулки в экипажах. Но чем дальше девушка листала сафьяновую книжечку, тем заметнее менялся почерк. Буквы становились мельче, ровные строчки начинали дрожать и наезжать друг на друга. Исчезли восклицательные знаки. Появились странные, оборванные на полуслове фразы, намеки на бессонницу и страх.

«В доме снова этот запах. Мне кажется, за мной наблюдают из сада. Я закрываю шторы, но ощущение, что кто-то дышит в затылок, не

проходит. Папа обещал, что справится...»

2 ноября

«Все думают, что я оправилась. Они смотрят на мои платья, но не видят, как я сгораю изнутри. Если они узнают, если это выплывет наружу, папа не переживет... Или я... Боже, за что?...»

19 ноября

А затем записи обрывались. Следующие три страницы были абсолютно чистыми. Ни единой строчки. Ни даты, ни подписи.

Лилит замерла. В то время среди светских дам и людей, имевших тайны, была чрезвычайно популярна тайнопись. В ход шли лимонный сок, луковый сок, раствор кобальта или химические составные чернила — так называемые «исчезающие» или «проявляющиеся» от тепла.

Девушка резко поднялась, поднесла свечу ближе к столу и чиркнула спичкой. Яркий огонек вспыхнул, наполняя уголок комнаты запахом серы. Мадам взяла дневник и, затаив дыхание, поднесла первую чистую страницу к пламени свечи. Она держала бумагу на безопасном расстоянии, чтобы не спалить её, но достаточно близко, чтобы плотный лист прогрелся. В комнате установилась звенящая тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем напольных часов. Лилит всмат-

ривалась в пожелтевшую от времени бумагу, ожидая, что вот-вот из небытия начнут проступать коричневатые, проявляющиеся от жара буквы...Ничего. Страница лишь нагрелась и слегка задымилась.

Не сдаваясь, она перевернула лист. Нагрела второй. Снова пустота. Пальцы от напряжения затекли, от близости пламени кожу на руке жгло, но она методично, с холодным упрямством прокаливала страницу за страницей. Третью, четвёртую... Бумага оставалась абсолютно чистой, отзываясь лишь легким запахом сухой целлюлозы.

— Черт... — прошептала девушка, и в её голосе прорезалось отчаяние. Она бессильно опустила дневник на стол и затушила свечу. Попытка с невидимыми чернилами провалилась. Неужели она ошибалась? Неужели эти страницы были оставлены пустыми просто так, потому что у Эммы больше не было сил писать?

Лилит откинулась на спинку кресла и закрыла глаза руками. В голове царил хаос. Но бросить всё прямо сейчас она не могла. Она снова подвинула к себе книжку и начала медленно, уже без надежды, просто перелистывать её от начала до конца под синеватым светом настольной лампы.

И тут её взгляд зацепился за одну из исписанных страниц в середине дневника. Раньше Брайт бегло просмотрела её — там был обычный текст о покупке новых перчаток и визите портнихи. Но сейчас, под другим углом света, страница показалась ей странно неаккуратной. В некоторых местах

поверх чернил лежали мелкие, еле заметные темные пятнышки. Сначала девушка подумала, что это обычные грязные следы — возможно, Эмма роняла на бумагу пепел от тонких дамских сигарет или случайно посадила кляксы. Однако, присмотревшись внимательнее, Лилит заметила непонятную закономерность. Пятна «грязи» не были случайными. Это были аккуратные, крошечные, сделанные с невероятным нажимом точки или тончайшие полукружья, нанесенные графитовым карандашом или слегка испачканным в саже пальцем. И они повторялись с удивительным, почти математическим ритмом!

Она быстро достала из выдвижного ящика стола лупу и чистый лист бумаги с пером. Дама наклонилась над дневником так низко, что её пепельные волосы практически касались страницы. Через прозрачное стекло лупы микроскопический секрет Эммы встал перед ней во всей красе. Каждая такая "грязная" точка филигранно огибала конкретную букву в печатном или рукописном тексте. Лилит начала выписывать обведенные буквы по порядку, строчка за строчкой:

Первая буква в слове «Декабрь» — Д.

Затем аккуратный штрих возле апострофа

В следующем абзаце обведена буква в слове «Ангел» — А.

Ниже, в описании ткани — Р.

Дальше — Т.

Затем — У.

И на последней строчке — А.

Лилит опустила перо. На её чистом листе бумаги четким, ровным почерком было выведено всего одно слово: «Д'АРТУА». Девушка замерла, чувствуя, как по спине пробежал ледяной холодок.

Д'Артуа. Это название... не просто звучало знакомо. Оно отозвалось внутри Лилит глухим, тревожным набатом.

Лилит резко встала из-за стола. Кресло с громким скрипом отъехало назад. Она начала нервно шагать по комнате, обхватив себя руками за плечи. Длинный подол её домашнего платья бесшумно шуршал по ковру.

Неужели Эмма и правда ушла по своей воле?

Дело #23

Спустя длинные сорок минут, Брайт наконец закончила рассказ. И воцарилась пауза. Детектив устало провел по волосам. Его кожаная перчатка капризно заскрипела, потирая переносицу.

— Знаете, Лилит... В таком случае нам ничего не остается, кроме как признать, что ваша Сестра ушла из жизни по своей воле... — вздохнул он.

— Н-но... Одну минуту... — взволновано выпалила она, теребя край рукава. — Мы не можем просто так оставить это... Все это слишком странно, вы ведь и сами говорили.

Рем, задумавшись на мгновение, продолжал вертеть в руках какой-то сверток.

— Ваша история идеально подходит под мотив суицида. И убийца тоже это понимал. — рассуждал он.

Некоторое время они молчали, прежде чем он снова заговорил.

— Помимо этого мне интересно, как Эмма могла быть связана с д'Артуа? Я думаю, всей Франции известно, что вокруг этой семьи ходит множество грязных слухов.

Но Брайт молчала. Вряд ли она сейчас могла дать логичное заключение.

— Знаете, это число 23 все не давало мне покоя, и вот теперь, кажется, я уловил след — с легким торжеством про-

изнес он, хотя понимал что это лишь первый шаг к разгадке.

Ремонд снова взял дневник и быстро пролистал его. Затем, развернув к Лилит, он указал на угол страницы.

— Вот. Страницы пронумерованы, — его палец показывал на номер страницы, — 23. На этой странице что-то было, когда вы проверяли вчера?

— Я... не уверена... — нерешительно ответила девушка.

— Что ж, ладно, это не проблема, — подбодрил детектив, уловив неуверенность в голосе.

Он ловко вынул из кармана газовую зажигалку и поднес к листу. Бумага быстро нагрелась, и проявились скрытые изменения. Небольшая капля, словно невзначай, упала на слово "дело". Хотя по краям было видно, как Эмма старалась выделить его, возможно пальцем или кистью.

— Думаю очевидно, что это прямой намек на дело 23. — Барнс довольно фыркнул, гордясь своей сообразительностью.

Но тут же замолчал, словно наслаждаясь тем, в каком напряжении он удерживает белокурую мадам. Она же нервно прикусила губу, стараясь сохранить привычное спокойствие.

— Я бы хотела более конкретных объяснений — серьезно произнесла Брайт.

— Да, конечно, — кивнул он, легко улыбнувшись, — Прошлым вечером я посмотрел в архиве "Арчер" дело 23. И знаете что?

Он выдержал небольшую паузу, прежде чем ответить на

свой же вопрос.

— У нашей организации есть доступ даже к архивам Национальной безопасности, но дела 23 просто нет— он понизил тон, добавляя загадочности.

Лилит несколько секунд молчала, жадно вслушиваясь в тайну. И когда детектив замолчал, она нахмурила брови. Ей явно не нравилась эта интрига.

— И что вы хотите сказать? — подвела итог Лилит.

— Хочу сказать, что тому есть причина, — рыжеволосый взглянул на часы. — У меня есть знакомый в архивах, вероятно, он что-то знает. Но прежде чем мы туда отправимся, взгляните на медицинское заключение. — Он достал тот сверток и аккуратно развернул его перед ней. — Официальная причина смерти — падение с высоты. Но...вы были правы, посмотрите на уровень калия в крови. Это в три раза выше нормы. И, — он указал на маленькую фотографию, прикрепленную к документу, — следы инъекции на шее, искусно скрытые под волосами. Кто-то ввел ей хлорид калия. Безболезненно, быстро и выглядит как естественная смерть. — его голос становился все тише: в нем сквозило мрачное осознание: Эмма все же была убита.

Через полчаса они стояли перед пошарпаной дверью, облупившаяся краска которой хранила следы многих лет.

— Должен предупредить: у него скверный характер. Говорить буду я, — Рем поправил свой безупречный жилет, словно это могло как-то повлиять на визит, и нанес короткий, глухой стук.

Дверь открылась не сразу — было очевидно, что хозяин не ждал гостей. Мужчине пришлось постучать еще раз, прежде чем на пороге возникла сгорбленная фигура. Сморщенный старикашка, облаченный в мешковатый костюм, казалось, тонул в нем. На голове виднелись лишь редкие пряди, старательно зализанные гелем, а его смуглые руки едва заметно тряслись.

— О, мсье Дерон, рад видеть вас в добром здравии, — натянуто улыбнулся рыжеволосый, хотя лицо старика по-прежнему выражало лишь неприязнь. — Просим прощения за бесплодность, но мы ведем расследование. И поверьте, только вы можете нам помочь.

Пожилой джентльмен хрипло кашлянул, буравил Барнса пристальным взглядом. Затем, без единого слова, он распахнул дверь шире и, шаркая ногами, двинулся в глубь дома. Невысказанное приглашение следовать за ним.

Обшарпанные комнаты, сменяли одна другую, пока их проводник не остановился в дальней части дома, в комнате, которая вероятно когда-то была гостевым залом, и Лилит опустились на жесткий, продавленный диван, в то время как старик застыл в дверном проеме, скрестив костлявые руки на груди. Рыжий из "Арчер", стараясь не обращать внимания

на затхлый запах, прочистил горло, готовясь начать:

— Мы тут расследуем убийство, и нам...

— Ты кое-что забыл, Барнс, — перебил Дерон. Слова прозвучали медленно, отрывисто, будто по школьной доске скребли вилкой. В голосе старика звенела неприкрытая враждебность.

Ремонд на мгновение замер, словно пытаясь понять о чем речь. Однако он прекрасно знал. Рука в черной перчатке потянулась к жилету, извлекла из внутреннего кармана конверт и протянула "знакомому". Бумажный сверток был наполнен купюрами.

— Так вот, мы...хотим узнать информацию по делу 23. Я знаю, мсье Дерон, вы работали даже с секретными архивами, — детектив слегка наклонился стараясь придать словам больше таинственности.

Старик хмыкнул, разворачиваясь к выходу

— Мне нечего вам сказать. Уходите, — равнодушно бросил он, переступая порог.

Лилит нахмурилась. Её мрачное лицо напоминало темную свинцовую тучу. Она тут же вскочила, догоняя его упреками.

— Минутку, мсье! Ваше поведение совершенно бестактно и переходит все границы приличия. Вам заплатили достаточно, а вы все равно отворачиваетесь! Меня удивляет ваша непреклонность, однако это совершенно неуместно, когда на кону чужие жизни, — громко и отчетливо произнесла она,

пытаясь пристыдить его.

— Лилит, не стоит, — остановил детектив, мягко коснувшись её плеча.

В этих обшарпанных стенах протест прозвучал как писк серой мыши, но даже позабавил старого кота. Лицо Дерона застыло в удивлении, когда он обернулся. Его вскинутые брови разгладили несколько морщин на лбу.

— Как мило. Вы смеее дерзить мне? — остановился он перед столом напротив диванчика, встречаясь с ледяным взглядом Брайт.

— О да, мсье. На данный момент я являюсь главой семьи Брайт, и несомненно, могу точно так же, как и вы сейчас, продемонстрировать важность моего статуса. Однако я не позволю себе опуститься до подобного. Я лишь попрошу у вас более подробного объяснения вашего столь неоднозначного ответа. — ровным тоном произнесла белокурая дама.

— Великолепно, вы еще более прекрасны, когда говорите открыто, — хрипло хохотнул старик, обнажая желтоватые подгнившие зубы. — Дело 23 было давно уничтожено, бесполезно искать. Да я уже и не вспомню о чем оно было. Но знаете... сейчас посмотрю среди старых папок, вдруг хоть что-то завалилось.

Он вернулся уже через минуту с небольшой папкой в руках.

— Вот, там только газетная вырезка и осталась, — он с прежним недовольством швырнул её на стол, продолжая сто-

ять на месте.

Лилит аккуратно открыла папку, заглядывая внутрь. Там лежала старая вырезка из газеты. Заголовок набранный крупными буквами, гласил: "Трагедия в особняке Д'Артуа! Свадьба закончилась пожаром..."

Дверь за спинами ищеек хлопнула. Рем устало взглянул на "коллегу", которая с силой сжимала кулаки. Ей явно хотелось что-то добавить.

— Мадам, сохраняйте спокойствие. Не позволяйте другим так легко управлять вашими эмоциями, — успокоил он, мягко касаясь её локтя, направляя к машине.

— Я думала, это была просто пустая трата не только денег, но и времени. А оказалось, даже вредный старикашка может быть полезен. — вздохнула она, возвращая себе самообладание.

Её рука в тонкой перчатке разжалась, обнажая смятую бу-мажку.

— Эта газетная вырезка — то, о чем мы говорили утром? - с интересом прищурился Рем, наблюдая как её пальцы аккуратно разворачивают листок.

Девушка стояла неподвижно, купаясь в последних лучах заката, окрасивших её белокурые волосы золотом. Нахмуренные брови придавали её лицу серьезное, даже беспокой-

ное выражение. Губы медленно разомкнулись ничего не произнося. Ему не нужно было подтверждение того, что Лилит уже была известна та информация, которую они только что нашли.

Но отсюда возникали самые ужасные догадки: неужели Эмма подстроила убийство своей матери? Она была в сговоре с д'Артуа?

Она поправила длинные волосы, собранные в косу, будто собираясь с мыслями и не решаясь разорвать воцарившуюся тишину. Пустые предположения могли лишь помочь преступнику выиграть время. Связь с трагедией была очевидна, но в чем именно она заключалась?

После молчаливого мгновения, в глазах Барнса вспыхнул огонек решимости. Это было отражение пламени, которое горело в Лилит, и которое давало понять, что это еще не конец.

Рыжеволосый мужчина на минуту дольше задержал взгляд на пустом месте, где только что был её силуэт. Хлопнула дверца автомобиля. В зеркале заднего вида отражался суровый, но уже привычный взгляд бородатого водителя, который все это время молча и беспрекословно доставлял их куда нужно. Подумав об этом, мадам почувствовала тихую благодарность, но оставила её при себе. Когда адрес был назван, пушистые брови водителя слегка нахмурились, но руки уже крутили руль.

Лилит молчала. И Ремонду тоже нечего было добавить.

Его глаза, оттенка горького кофе, блестели пониманием, в то время как лицо выражало нечто иное. Жалость? Сострадание? Сочувствие? Он и сам не мог до конца понять свои чувства.

— А вы, получается, курите? — внезапно спросила Брайт, поворачиваясь к детективу. Её голос слегка дрогнул, вероятно в попытке скрыть накопившиеся эмоции.

Его глаза растерянно забегали по её лицу, словно пытаясь понять смысл произнесенных слов.

— Что...что вы имеете в виду? Почему вы так думаете? — слегка прищурившись, он нахмурился

— Вы же тогда проявили скрытый знак с помощью зажигалки. Или этот предмет нужен вам для расследований? — спросила она, не сдержавшись и указав на его карман.

— Ну, знаете... иногда бывает необходимо, — уклончиво ответил мужчина, мягко улыбнувшись.

Он действительно был не против разговоров, просто нынешняя ситуация совершенно не располагала к болтовне. И как она могла вот так непринужденно сменить тему после такой важной находки? В голове джентльмена это просто не укладывалось. Ему вообще было сложно понять чувства голубоглазой Брайт. Её бесчувственный взгляд словно принижал значимость всего происходящего, сливаясь с её хрупким, хрустальным образом. Казалось, она вот-вот растворится в ледяной глыбе собственных глаз. Но редкие моменты, когда во взгляде девушки проскальзывало что-то живое, ка-

зались такими удивительными, почти нереальными. И ради этих мгновений хотелось работать еще усерднее, разделить её боль, чтобы она наконец смогла искренне улыбнуться. Это было желание помочь, желание спасти. Да, он не понимал её, даже сейчас, когда её фигура растворялась в ночи, направляясь к воротам её скромного поместья. Он не понимал, но одно знал наверняка: грань между детективом и жертвой становилась все тоньше. Ошибочно ли это?

Они расстались молча, в предвкушении завтрашнего дня, и с мыслью о том, что им обоим нужно немного времени.

Лилит прошла по коридору, не стараясь быть тихой, ведь она точно знала, что в комнате для прислуги затаилась Мэд. Она всегда ждала возвращения госпожи. Ждала когда хлопнет дверь, раздастся её голос или просто шаги. Лишь тогда на её измученные плечи опускался покой.

Внутри дамы вдруг образовалась какая-то тягучая, тёмная пустота. Она давила и резала изнутри. Что это? Сковырнутая рана опять кровоточит? Боль была знакомой, но сейчас ощущалась иначе, острее. Казалось бы, картина произошедшего наконец обретала более четкие контуры, но это лишь усиливало боль.

Лилит аккуратно опустилась на пуфик перед туалетным столиком, встречаясь лицом к лицу со своим отражением. Кто она? Девушка напротив казалась незнакомкой, чужой. Но в каждом нежном изгибе лица, в каждой черте которые она раньше не замечала, теперь мягко теплилась искра жиз-

ни. Небесно-голубые глаза внимательно изучали отражение, рассматривая каждую деталь: потрескавшиеся губы, дрожащие пальцы и глаза, блеск которых отражал пламя свечи. Но это был не просто блеск — это были слезы. Лёд в её глазах наконец треснул.

Теперь даже утро следующего дня казалось совершенно иным. Будто с первыми лучами солнца воздвигалось величием новое чудо, подкрепленное надеждой. Теплые лучи озарили фасад поместья, врываясь бурей эмоций через окно. Это наполняло девушку не только решимостью, как в какой-то игре, но и умиротворением. Словно впервые она испытывала покой.

Этот день отличался не только своей атмосферой, но и тем, что сегодня рыжеволосый джентльмен не появился ранним утром, как это было в предыдущие дни — в записке говорилось о том, что он задержится из-за важного собрания в организации. Лилит пришлось ждать его аж до двух часов дня, чтобы наконец обсудить вчерашнюю находку и подвести итоги.

И когда дверь со скрипом отворилась, пропуская высокую фигуру, мадам тяжело вздохнула, готовясь к очередному тяжелому разговору.

Оба уселись друг на против друга, словно повторяя их

первую встречу, и Брайт жестом попросила горничную подать чай. Теперь лицо хозяйки было хмурым, а дрожащие пальцы выдавали нервозность.

— Кхм, как ваше здоровье, мадам? — прочистив горло, неловко начал Барнс, нарушая затянувшееся молчание.

— Все в порядке, — ровно, но с легкой дрожью в голосе ответила она.

Когда Мэддисон закончила разливать чай по чашкам и удалилась, за ней тихо прикрылась дверь. Собравшись с духом, Лилит глубоко вздохнула.

— Вчера...я много думала, мсье Барнс. И о вчерашнем, и о многом другом. И первое, что я хочу сказать: спасибо, что тогда настояли на том, чтобы я вас впустила, — уголки её губ едва заметно дрогнули в слабой улыбке, от чего глаза детектива округлились от удивления.

— Не стоит благодарности, это моя работа, — немного растерялся он, но затем откашлялся. — Что ж, давайте проговорим ещё раз: Эмма была в особняке в день пожара и, предположительно, стала невольным очевидцем трагедии...или её соучастником.

Брайт замерла, пытаясь до конца осознать смысл его слов. Но она и сама понимала, что эта версия тоже идеально вписывается в нынешнюю картину.

— Но и что в итоге? Получается, нам не на что опереться. Это идеальная сказочка о самоубийстве: молодая девушка не смогла справиться с грузом свидетеля на её плечах. И тогда

как же нам выяснить кто убил Эмму? — в растерянности произнесла мадам.

Барнс ненадолго замолчал, поглаживая переносицу в задумчивости.

— Давайте рассуждать логически. Убийство явно спланировано до мельчайших подробностей. И если бы это был обычный маньяк, то он не стал бы так пытаться скрыть свою причастность. То есть, обычно людям жаждущим крови нужна общественная драма, известность, показуха. Но здесь мы этого не наблюдаем. И знаете что? Я почти уверен, что ваша сестра просто знала больше, чем должна была. И её убрали, — с серьезным видом, под стать детективу, он слегка наклонился вперед, пытаясь сделать картину более ясной, — И зная вашу страсть к расследованиям, она совершенно точно обратилась бы к вам. Но...вы же были...отрезаны от мира почти год, скажите, Эмма не пыталась как-то связаться с вами?

— Она приходила всего раз после похорон тетушки, примерно через месяц. Но я не пустила её даже на порог... — вздохнула девушка, ощущая в душе укол вины.

— А давно ли вы проверяли почту, мадам Брайт? — он покрутил в руке пустую чайную чашку.

— Почту? Мэддисон приносит мне всю почту, которую получает, — уверенно ответила Лилит.

— Но вы в этом уверены? — с подозрением в голосе, он прикусил кончик ручки.

Глаза девушки расширились от внезапного осознания. Что если он прав? Она неспеша поднялась, вежливо попросила детектива подождать несколько минут и вышла из комнаты.

С ржавым скрипом распахнулась дверца старого почтового ящика. К удивлению белокурой дамы, он был доверху забит письмами от двоюродной сестры. Ни одно из них так и не дошло до Лилит.

Ложь

— Почему ты не отдавала мне письма!? — яростно врывавшись в дом, строго произнесла девушка.

Глаза старой горничной округлились от внезапного урагана. Она тут же подскочила, всплеснув руками в испуге.

— Госпожа, позвольте объяснить! Почтальон всегда передавал мне все письма лично в руки. Я даже и подумать не могла, что он что-то кладет в ящик, искренне приношу свои извинения. — виновато пролепетала она, поджав губы.

— Почтальон? — застыла хозяйка, смягчившись. Она в открытом удивлении обернулась на детектива, которому больше не нужно было слов, чтобы понять.

Лилит уж было подорвалась с места, но детектив остановил её. Стоило сначала убедиться.

— Мадам Брайт! — окликнул он, заставляя девушку обернуться. — Понимаю вы взволнованы, но давайте не будем спешить. Сначала прочтем письма.

— Прочтем по пути. Мы не можем упустить его! — решительно заявила она, тут же покидая поместье.

Уголки губ нерешительно дернулись. Брайт тяжело вздохнула, когда машина наконец тронулась. Её пальцы скользили по письмам, разрывая конверты один за другим. Вчитываясь в завуалированные намеки, облеченные в вежливые предложения о встрече, голубоглазая мадам чувствовала нарастаю-

щее беспокойство. Для обычных приглашений на прогулку этих писем было слишком много, к тому же Эмма никогда не была такой навязчивой.

«Дорогая Лилит! Я написала тебе столько писем и молчание в ответ разрывает мне сердце. Я склонна думать, что у тебя есть на это веские причины, ведь мы всегда были так близки... Лилит, мне отчаянно нужно было сообщить тебе нечто важное, что я не могу доверить бумаге. Но, увы, за это время мне не удалось достучаться не только через письма, но и в твою дверь.

Когда ты прочтешь это, я не уверена, что все еще буду в добром здравии. Но даже так, прошу тебя закончить начатое мной дело. Прощу, обыщи хотя бы мою комнату, вспомни наш секрет. Твоя любимая Эмма.»

Пальцы в горечи сдавили края бумаги. Все это время Эмма пыталась связаться с ней, молить о помощи. А Лилит, сама того не ведая, перекрыла ей все пути спасения. Тогда она прогнала её. Когда сестра появилась на пороге Брайт, та была не в лучшем состоянии, чтобы вести беседу. Слова "Мне не до твоих сплетен." пронеслись в голове как удар хлыста, обжигая синим пламенем чувство вины.

— Здесь, — произнес Ремонд, указывая на строку про обыск. — Мы были правы. У Эммы было доказательство и убийца избавился от него.

Черный автомобиль затормозил у края дороги, прямо перед безупречно стриженного газона. Стуча каблуками по

каменной дорожке, Ремонд целеустремленно направился к дому. Он стремительно взбежал по обветшалым ступеням крыльца.

Настойчивый, резкий стук в деревянную дверь бил по ушам, словно выбивая признание. Почтальон явно не горел желанием делиться причинами сокрытия писем.

— Может его нет дома, — разочарованно произнесла девушка, оглядываясь.

Она приподняла подол платья, обнажив тонкие щиколотки, и осторожно спустилась по бетонной лестнице. По её фигуре струилось изящество, пусть она и была раздражена.

Ремонд медленно повернулся, устало массируя переносицу. Ему совсем не хотелось отступать перед этой деревянной преградой, но слова "коллеги" сомнением проросли в голове. Он запустил пальцы в бледно-огненные волосы и вздохнул, сдерживая раздражение.

— Ремонд! — вдруг раздался взволнованный голос Брайт, заставив его вздрогнуть. — Там!

Детектив проследил за её тонким, с паучьей грацией, пальцем, указывающим в сторону дороги. На противоположной стороне, словно олень, замерла фигура. Незнакомца, страх ли сковал его, но как только лисий взор коснулся незнакомца, тот тут бросился бежать. Инстинктивно, будто сорвавшийся зверь, Ремонд ринулся в погоню, ловко перемахнув через невысокий деревянный забор, пока ангельский взгляд с неким переживанием провожал его фигуру, вскоре

скрывшуюся среди деревьев.

Мужчина ловко свернул с жилой улицы в узкий мрачный переулок. Стены, казалось, давили, желая вытеснить детектива, но он не сдавался. Спина беглеца так и манила, пока тот уже спрыгивал с пожарной лестницы на чужую территорию, огороженную высоким забором. Мопс заливаясь яростным лаем, бросился за ними, но вскоре потерял след сразу обоих. Пересечь высокую преграду помог уличный столик с графим лимонада, который тут же оказался на траве. Нога преступника безжалостно толкнула столик за собой, в надежде перекрыть путь или, хотя бы, задержать погоню. Расчет оказался верным лишь отчасти — не успел худощавый беглец оглянуться, как силуэт Ремонда уже мелькал между домами. Следом пострадали ухоженные кусты роз во дворе одной милой дамы. Она возмущенно ахнула, увидев, как двое мужчин пронеслись по её саду, оставляя за собой хаос.

Ремонд чувствовал, как дыхание превращается в рваные хрипы, но он просто не мог позволить себе упустить преследуемого. Начиная уже молиться в себе, чтобы сил хватило до конца, он задыхался не хуже выброшенной на берег рыбы. Ещё один двор, еще одна извиняющаяся улыбка... Этот ничем не примечательный человек доставлял ему неоправданно много проблем. Но рыжеволосый ни на секунду не сомневался, что настигнет его.

В этот самый момент они наконец остановились у какого-то заброшенного домика. Место, покинутое людьми, но

кишащее насекомыми и грызунами. Высокая трава предательски шуршала при каждом движении. Рем присел в кустах, прячась за ржавеющим остатком автомобиля, который раньше блистал синевой. Ограниченность в движении компенсировалась отличным обзором и острым слухом. Детектив изо всех сил пытался сдержать одышку, чтобы не выдать своего присутствия. Но они оба знали друг о друге.

Было по-мертвому тихо, пока рев мимо проезжающей машины не разорвал безмолвное мгновение. Это был великолепный шанс. Барнс неспеша двинулся, огибая сломанную машину с другой стороны. И удача обернулась ему буквально спиной.

Лилит нервно мяла в руках шелковый платок, с тревогой всматриваясь в густые тени, где некоторое время назад скрылся детектив. В голове уже строились мрачные сценарии, один страшнее другого: "Что будет если он не вернется?". Но вот наконец, вдали промелькнул знакомый силуэт. Ремонд крепко держал руки почтальона за спиной, лишная его всякой возможности на сопротивление. Лицо мужчины исказила жалкая гримаса, готовая перерасти в слезы. Тихо бормоча что-то невнятное, он покорно двигался в собственный дом, предчувствуя предстоящий допрос.

— Прошу вас... я заплачу за аренду... — внезапно выпа-

лил он дрожащим голосом, полным отчаяния.

Ремонд нахмурился, недоуменно приподняв бровь.

— Так вы еще и не оплачиваете аренду? — словно предупреждающе прорычал он, усиливая хватку на его руках.

Глаза почтальона расширились от ужаса — он понял, что они пришли не за этим. Он сболтнул лишнее, мгновенно меняя тон и выражение лица.

— О, прошу вас, господа... в таком случае я абсолютно невиновен. Это какое-то чудовищное недоразумение. — почти заикаясь, с натянутой любезностью, начал он, лихорадочно переводя взгляд с Ремонда на Лилит. — Госпожа! Вы же знаете меня, я всегда доставлял вам почту. Уж скажите этому мсье, что я ничего не сделал!

Однако "госпожа" даже не вздрогнула, лишь сверлила его суровым взглядом.

— Как раз сейчас и объясните своей госпоже, почему прятали письма от мадам Ришар. — с еле заметной иронией, детектив вскинул брови.

В глаза худошавого мсье вспыхнул какой-то неподдельный ужас. Он судорожно...

— Прошу вас... я ничего не знаю, — взмолился он, понижая тон.

— Не заставляйте меня повторять, — голос рыжеволосого мужчины прозвучал как холодная сталь. — Где вы были восемнадцатого числа, в ночь убийства Эммилии Ришар? Уверен, вы, как почтальон, а возможно, и соучастник, пре-

красно осведомлены об этом трагическом событии.

Почтальон тяжело сглотнул, прежде чем ответить.

— Я...был в поместье Дждер. У меня с...их старшей дочерью... — он запнулся, словно ему было стыдно продолжать. — Они могут это подтвердить, спросите их.

Детектив устало выдохнул. Затем, повернувшись к Брайт, он, проходя мимо, тихо бросил:

— Будьте здесь, я свяжусь с полицией. — его тень скрылась в дверном проеме одной из комнат.

Лилит вслушивалась, пытаясь разделить мольбы почтальона от телефонного разговора из соседней комнаты.

— Мадам Брайт... — полупшепотом протянул он, но тут же замолчал, устремив испуганный взгляд на дверной проем.

Ремонд вернулся. И он был готов продолжить допрос.

— Лилит, вам лучше вернуться в ваше поместье, — он мягко коснулся её локтя, направляя к выходу. Когда она с явным возражением обернулась на него, он добавил: — У нас могут возникнуть серьезные осложнения, если полиция узнает, что вы не являетесь членом нашей организации.

И это на самом деле был весомый аргумент, заставивший девушку поколебаться. Она согласилась уйти, но лишь с условием, что детектив немедленно свяжется с ней при малейшей находке.

Не только дорога, но и пребывание в собственном доме стало до того невыносимым, что девушка невольно начала грызть кончик шелковой перчатки. Затем тут же одернула

себя, вспомнив о приличиях. Однако совладать с бушующими нервами становилось все труднее. Сомнения о принятом решении уехать. Она должна была настоять, должна была остаться. Теперь секунды тянулись как часы, а минуты казались вечностью. Прежняя привычная тишина поместья впервые, казалась давящей и даже невыносимой. Часы издавали утомительный звук, который незаметно, буквально усыпил девушку.

Знакомая комната предстала в легкой дымке воспоминаний. Все было таким туманным, но не теряло родных очертаний. Два плетеных кресла, красивые картины — без сомнений говорило о том самом месте, запечатанном глубоко в памяти. Пыль как и прежде порхала вокруг, оседая на поверхности. Лучи беспощадно пробивались через окно, согревая детские ручки.

Было тихо и даже очень. Лишь мерное тиканье старых винтажных часов разрывало звенящую тишину. Но в чем же дело? Ответ пришел не сразу — едва уловимый, приглушенный храп из соседней комнаты говорил о многом. Это же...

Внезапно, заслонив собой весь обзор, возникло детское румяное личико. Девушка напротив казалась незнакомкой, чужой. Но в каждом нежном изгибе лица, в каждой черте которые она раньше не замечала, теперь мягко теплилась искра

жизни. Светлые кудряшки игриво ложились на лоб, затем падая на плечи, а глаза янтарем отражали солнечные блики. Эти знакомые щечки, вздернутый носик и смеющийся взгляд кольнули сердце, пробуждая непонятное, зарождающееся чувство.

Девочка листала книжку с животными, иногда хихикая без причины и оборачиваясь за Лилит. Она будто проверяла каждый раз насколько внимательно она смотрит. Но в какой-то момент лицо её резко переменялось. Ангельское лицо исказила гримаса ужаса.

И в эту же минуту храп из соседней комнаты умолк.

Долгожданный звонок разбудил, заставляя сорваться с места и схватить трубку.

— Да, я слушаю! — выпалила она взволнованно.

В ответ повисла тягостная пауза. На другом конце провода слышались лишь непонятные шорохи и приглушенные голоса, доносившиеся издалека.

— Мадам Брайт? Это Барнс... — голос Ремонда звучал глухо, встревоженно, и прерывался после каждого слова, словно он задыхался. — Алиби — фальшивка... Семья Джедер — уже вторую неделю за границей...

Затишье звездного вечера

Минут через десять у ворот поместья уже стоял автомобиль. Сам Ремонд был за рулем на этот раз. Он встретил голубоглазую мадам хмурым, сосредоточенным взглядом, но с привычной мягкостью в голосе.

— Все оказалось намного проще, чем мы предполагали: я отыскал их номер в архивах и собирался вызвать на допрос, однако все подтвердилось, как я и сказал по телефону. — пояснил Барнс, трогаясь с места.

— Но зачем ему понадобилась эта глупая отговорка? — недоуменно спросила девушка.

— Чтобы выиграть время, — помрачнел он.

Мадам нахмурилась, чувствуя как тягостное предчувствие сжимает ей сердце.

— Вот же... — разочарованно выпалила она.

— Постойте, детектив, но полиция же не должна меня видеть...

— Не волнуйтесь, я позаботился об этом. У меня есть фальшивое удостоверение на ваше имя. — ускокоил детектив. — Но у нас могут быть серьезные проблемы, если узнают об этом. Поэтому вам придется остаться снаружи, в качестве моего ассистента. Просто собирайте пыль на улице, хорошо?

Она промолчала. Этот вариант ей явно не нравился, но

увы, другого пути не было. Она отвернулась, увидев в отражении стекла свое бледное лицо, искаженное светом проносившихся мимо фонарей.

В этот момент машина остановилась. Вокруг небольшого домика, словно орлы, кружили полицейские машины. Да и на самой территории их было не меньше. Даже детектив нахмурился, озадаченный таким количеством полиции. Ведь обычная охрана требовала не более одной-двух машин.

Теперь они оба понимали, что ситуация приняла угрожающий оборот. Протягивая свое удостоверение одному из полицейских, рыжий из "Арчер" и представить не мог что ждет его за этой дверью. Дверью, готовой распахнуться и показать все, что случилось, как оказалось, всего несколько минут назад. Она со скрипом открылась, и в это же мгновение Барнс обернулся, чуть ли не выталкивая мадам из дома. Он забыл, что она следует за ним. В его глазах читалась неприкрытая паника. Не от того, что он успел увидеть, а от того, что это может увидеть она.

— В чем...в чем дело, Барнс? — почти возмущенно пробормотала девушка, спотыкаясь на пороге. Она совсем забыла, что он просил остаться снаружи.

Ремонд выдержал небольшую паузу, будто решаясь, чтобы произнести для неё ужасную новость.

— Он мертв. — отчеканил он всей глубиной своего разочарования.

В ответ она замерла, подобно ему минуту назад.

— Как? — прошептала голубоглазая.

— Застрелился, черт... — он поджал губы, избегая взгляды.

Перед ним всплыла та жестокая картина человеческого отчаяния. Искаженное болью его мертвое лицо, кровавые паутины, расползающиеся по полу.

На лице мелькнула растерянность, ведь оборвалась последняя нить, ведущая их к убийце. Весь этот путь в самом деле привел их в никуда?

— Это... конец? Это тупик, верно? — разочарованно произнесла "коллега".

— Оставайтесь здесь, — почти приказал он, и не дожидаясь ответа, исчез в глубине дома.

В тревожном одиночестве, девушка покорно спустилась по лестнице. Аккуратно ступая по асфальту в сторону скамьи, какое-то мимолетное движение зацепило её внимание и заставило повернуться. И в этот же момент, мгновение застыло, рассыпаясь в вечности.

Рядом с жандармом, по ту сторону дороги, сидела сгорбленная фигура.

Лилит замерла. Сердце пропустило удар.

Это был её дядя Ришар.

Мужчина, всегда отличавшийся безупречной выправкой и аристократическим величием, сейчас выглядел совершенно раздавленным. Его дорогое пальто с меховым воротником было расстёгнуто, элегантная трость со слоновой костью

брошена прямо в грязь у ног, а лицо он судорожно прятал в дрожащих, сцепленных замком ладонях.

Из его груди вырывались глухие, рваные всхлипы — звук такой глубокой и беспросветной боли, что у Лилит перехватило дыхание. Его плечи ритмично вздрагивали. В отблеске желтого фонаря было видно, как между его пальцев блестят слезы, стекающие по седеющим вискам. Перед ней сидел не гордый мсье Ришар, а старик, у которого судьба за один год заставила выпить чашу горя до дна: сначала любимая жена, теперь единственная дочь.

Полицейский рядом с ним сочувственно хлопал его по плечу, что-то тихо шепча и подавая стакан воды, но Ришар лишь беспомощно качал головой, не в силах вымолвить ни слова от подступающей тошноты и горя.

Лилит сделала шаг вперед, порываясь подбежать к нему, обнять, разделить эту катастрофу на двоих... Но в памяти мгновенно вспыхнул её собственный холод, когда она не пустила Эмму на порог. Вина сокрушительным ударом обрушилась на девушку. Ей казалось, что она не имеет права даже касаться этого несчастного отца. Она сама виновата в том, что он сейчас так страдает.

С трудом заставив себя отвернуться, Лилит быстро шагнула в тень, но этот образ рыдающего в темноте дяди намертво выжегся в её памяти.

Тяжело вздыхая, её фигура опустилась на скамейку в мутном ожидании. Раньше она и представить себе не могла, на-

сколько мучительной может быть эта пауза неопределенности. В глубине души она уже мечтала о том, чтобы закончился этот кошмар из поисков, догадок и надежд.

Хотя, на самом деле, эти несколько дней доказали ей, что быть с кем-то — не так уж и плохо. Даже лучше, чем просто существовать в давящем одиночестве.

Последние лучи заходящего солнца нежно коснулись её длинных, дрожащих ресниц, прежде чем ночная тьма окончательно поглотила небо. Знакомое стрекотание из кустов смешивалось с приглушенными голосами полицейский, звучащих на фоне. Они звучали монотонно, как обычно бывает на работе.

Она медленно подняла глаза к ярким стразам, что были рассыпаны по темному небу. Они кричали и пели, пока её грудь вздымалась, наполняя легкие свежим ночным воздухом. А ведь раньше она и не обращала внимание на то, каким прекрасным может быть небо, особенно ночью. Она просто не видела его, ведь всегда ложилась не позднее девяти часов. А сейчас эта тягучая прекрасность завораживает, и кажется чем-то таким удивительным, что заставляет ценить каждое мгновение под этим звездным полотном. Каждая находка, каждая минута в этом расследовании вовсе не была зря.

"В детстве, тетушка как-то сказала нам о том, что перед тем как уйти на небо, душа последний раз является близким во сне. Если это так, то я отпускаю тебя, Эмма, в небо, наполненное звездами. "

— Прохладно сегодня. Возьмите, — послышался глубокий мужской голос, протягивая ей пиджак.

Этот высокий силуэт, казалось, возник из ниоткуда. Просто его выковала сама ночь и преподнесла в дар этим уставшим голубым глазам. Брайт молча наблюдала, как он позволяет себе подойти ближе, аккуратно накидывая на её плечи предложенное тепло. И она... лишь молча приняла его заботу, выражая тихую благодарность. Пиджак согревал не только тело, но и душу. И она тихо вздохнула едва уловимый аромат его туалетной воды с дерзкими нотками чего-то терпкого.

Ремонд присел рядом, сохраняя приличное расстояние между "коллегами". Он тяжело вздохнул. Слегка сгорбившись, детектив поддался вперед, упираясь локтями в колени и переплетая пальцы. Лилит украдкой отметила для себя, что в полумраке его волосы приобретают глубокий кленовый оттенок. Тот самый, рыже-красный лист с примесью темного, сорвавшийся с ветки последним.

— Как вы себя чувствуете? — вдруг поинтересовался он, с некоторой неловкостью прочистив горло. Звук получился слегка хриплым, похожим на треск дорого шоколада.

— Брайт выпрямилась, повернув голову к джентльмену. На лице застыло неподдельное удивление, ведь это было явно не то, что она ожидала услышать сейчас.

— По правде говоря...домой хочется. — призналась она с легкой улыбкой, будто это была попытка пошутить. Хотя на

самом деле наконец, открыла ему свою новую, более уязвимую сторону, - Лучше бы сказали, что вы нашли там.

— Никаких утешительных подробностей: куча крови, пистолет у правой руки и последняя разрушенная зацепка. — разочарованно вздохнул он.

Уловив нотки печальной усталости в её нежном голосе, Рем слегка прищурился. Но его истинный ответ оставался безмолвным, заглушенным лишь стрекотанием кузнецов.

— Знаете, когда я впервые увидел вас, я подумал, что вы похожи на хрупкое, потрескавшееся стекло. Не подумайте, что я хотел вас как-то обидеть, просто говорю, как есть, без прикрас, - внезапно замахал руками Барнс, опасаясь, что сказал лишнего, задев её чувства.

Она мягко улыбнулась, тронутая его искренностью.

— И...я очень рад, что ошибся тогда на счет вас. Вы оказались намного сильнее и смелее, чем я мог бы предположить. И благодаря вам — мы зашли так далеко. — он слегка запнулся от пристального взгляда мадам,

— Я понимаю, что сейчас не самое подходящее время, но я верю, что вы можете стать еще сильнее. И я вам в этом помогу. Я надеюсь, что даже после завершения этого дела вы согласитесь остаться друзьями, или, может быть, даже вступите в ряды «Арчер», — улыбнулся он, довольный своей речью, выражающей восхищение и надежду.

На её лице застыла легкая растерянность, смешанная со скрытой гордостью. Лилит было приятно слышать эти сло-

ва, проникающий глубоко в душу. Но что-то все еще было неисправно надломлено.

— Спасибо, мсье Ремонд, за столь лестные слова... Однако... Я не смогу вступить в вашу организацию, — девушка отрицательно покачала головой, опуская взгляд. Её голос неуверенно дрожал, выдавая внутреннюю борьбу.

— Но почему...? — опечалено спросил детектив.

— Я не могу. Не стоит меня уговаривать, — более жестко отрезала она, предчувствуя, что рыжеволосый собирается продолжить эту тему. — Детектив, я думаю очевидно, что мы зашли в тупик. Я устала. У меня больше нет сил продолжать эту гонку. И, к тому же, я... совсем не такая, какой вы меня описываете. Так что, я думаю, на этой ноте нам стоит завершить наше сотрудничество. Спасибо вам и прощайте.

Она поднялась со скамьи, сделав шаг в сторону уходящей вдаль дороги, но Барнс просто не мог позволить ей уйти.

— Мадам Брайт! Почему... почему вы сдаётесь? Все это время, все эти дни, мы помогали друг другу, прислушивались, доверяли... А теперь, когда мы в шаге от разгадки, вы просто опускаете руки? Рано или поздно мы докопаемся до правды! Нужно только... — тараторил он, пытаясь зажечь угасшую искру в её сердце.

— Как вы не понимаете, не будет никакого фееричного финала! — с дрожью в голосе выпалила она, - Отпустите меня.

Она мягко коснулась его руки, которая, в свою очередь,

не собиралась выполнять её просьбу. Это было похоже не на требование отпустить, а наоборот – просьбу сжать крепче.

— Я понимаю как вам сейчас тяжело. Вас сковало одиночество и боль буквально разъедает. Когда-то я и сам, поверьте, был таким — брошенным и сломленным... Нищий, грязный ребенок, копавшийся в мусорных баках, ползающий на коленях за коркой хлеба. Но я собрал себя заново, нашел силы подняться. И теперь я здесь, стою пред вами, пытаюсь спасти. — произнес рыжеволосый, заставив её поднять свои печальные, полные слез глаза. — А вы разве не видите, как заживают ваши раны? Этих трещин... их почти не осталось. Так не разбивайте себя, не позволяйте отчаянию поглотить вас. Радуйтесь звездам так же, как всего несколько минут назад. — он сделал небольшую паузу, вглядываясь в её лицо, в попытке прочитав ответ в глазах. — Вы ведь и сами не хотите уходить, Лилит...

Последняя фраза, словно ключ, распахнули дверь, сбросив маску печали. Голубоглазая мадам вновь опустилась на скамейку, наконец-то давая волю эмоциям, которые так долго сдерживала в себе. Пиджак детектива, все еще накинутый на её плечи, напоминал о его словах. Он грел не только тело, но и душу, словно это было исцелением.

Спустя несколько минут, слезы постепенно утихли. Она вытерла руками последние капли, засыхающие на щеках.

— Простите... Мне просто нужно было это выплеснуть, — прошептала она, чувствуя себя немного неловко из-за своей

слабости.

— Не извиняйтесь за свои эмоции. Я наоборот рад, что смог убедить вас. — запустив руки в рыжие волосы, сказал мужчина.

Он уловил на её лице мягкую улыбку, в которой больше не было той безнадежной тоски.

В этот момент "коллега" внезапно осознала с неожиданной легкостью, что Барнс — действительно хороший человек, достойный гораздо большей благодарности, чем она обычно проявляла. За эти несколько дней он сделал для неё больше, чем за этот год для кого-либо.

Яркий фонарь над скамейкой безжалостно слепил глаза, но в то же время мягко ложился на её веснушчатый профиль, отбрасывая причудливую тень, растекающуюся по глазам, тонкой шее и громоздким плечам пиджака. Рему становилось даже неловко от собственной вольности — разглядывать даму так пристально и открыто, не имея на то никакого права. Но девушка, казалось, совсем не обращала на это внимания, погруженная в свои мысли.

— Мсье Барнс... вы говорили, что пистолет был у правой руки... — вдруг серьезно отметила девушка недавно сказанные слова "напарника" — Но почтальон был левшой.

Ремонд тут же нахмурился в попытке осознать в полной мере, что она хочет этим сказать. Получается, кто-то убил почтальона намеренно. Просто убрал свидетеля.

Дойти до истины

Ночной воздух казался пропитанным ядовитой сыростью. Лилит и Ремонд сидели на старой деревянной скамейке под тусклым светом единственного работающего фонаря. Оба молчали от нарастающего напряжения озвученной детали.

Внезапно со стороны догорающих туманных переулков донеслись медленные, тяжелые шаги. Из густой тени вынырнула высокая фигура.

Лилит вздрогнула и подняла голову.

Это был мсье Ришар. Его дорогое пальто казалось помчатым, шляпа сдвинута набок, а лицо в свете фонаря выглядело бледным и постаревшим лет на десять. Под глазами залегли темные тени, а во взгляде читалось нечто вроде безумной, застывшей тоски.

— Лилит... дитя моё, — его голос прозвучал надломленно.

Он сделал быстрый шаг вперед, опустился на одно колено прямо в грязную траву перед скамейкой и крепко, почти судорожно обнял племянницу. Его пальцы в кожаных перчатках до боли сжали её плечи. Брайт замерла от неожиданности, почувствовав, как от дяди пахнет холодным дождём, табаком и коньяком.

— Жандарм... сказал, что глазеть на работу полиции — не место для разбитого отца, — Ришар отстранился, его губы

дрожали, а слезы блестели на щеках в желтоватом свете. — Поедем со мной, Лилит. Мне слишком страшно оставаться одному сейчас.

Затем дядя медленно поднялся, утирая слезу тыльной стороной ладони, и перевел туманный, тяжелый взгляд на Ремонда Барнса. Сыщик тоже встал со скамейки, сдержанно застыв перед аристократом.

Ришар оглядел рыжеволосого мужчину с ног до головы, задержав взгляд на его слегка растрёпанных волосах и сосредоточенном лице.

— А вы... мсье Барнс, верно? — дядя слабо, трагично кивнул. — Я вижу, вы так искренне заботитесь о моей племяннице и так умело помогаете в этой ужасной катастрофе. Я заметно вижу, как хорошо вы ладите с Лилит. Поедьте с нами. Нам всем нужно выпить горячего чаю и прийти в себя. В моем особняке хватит места для всех.

Детектив сначала замешкался, опасаясь, что может понадобиться на месте происшествия, но дядя настаивал.

— Сочту за честь составить вам компанию, мсье Ришар.

И уже через несколько минут величественное поместье, словно призрак, возвышалось на огромной территории. Облитое лунным светом, теперь оно казалось замком, достойным Дракулы. Было заметно, что хозяин бывает дома довольно редко.

Грязный вид одинокого фасада, придавал еще более устрашающий вид. Что-то леденящее душу таилось во тьме

углов, куда даже луна не осмеливалась проникнуть. Воображение рисовало чудовищные образы, пока они обходили высохшую оранжерею, в которой еще год назад девушки устраивали уютные чаепития. Казалось, где-то внутри, в самом сердце этих стен еще раздавались их голоса, но то был лишь порыв ветра. Ключ с металлическим звоном провернулся в замке, впуская их внутрь.

С величайшей осторожностью следуя за широкой спиной Барнса, они прошли в просторный вестибюль полный роскоши. Длинный ковер алого цвета, словно багровая река, тянулся вперед, минуя разветвления с арочными проемами, ведущими куда-то в самую глубь дома.

Белокурая девушка испуганно вдохнула, когда лицом к лицу столкнулась с чучелом животного. Дядя был страстным охотником, и имел при себе неплохую коллекцию. От этого его почти и не бывало дома. Если не на охоте, то он был на ярмарке — продавал свою добычу. Что ж, он действительно мог себе это позволить.

— Что-то случилось? — обеспокоенно обернулся рыжий на звук позади себя.

Брайт лишь кивнула и указала на причину своего испуга, не останавливая движения. Подобного рода вещи и раньше пугали её, но зловещая ночь давала этому еще более усиленный эффект. К тому же, их проводником был всего лишь слабый луч маленького фонарика дяди. Вероятно, он боялся нарушить атмосферу, в которой когда-то застыл дом, поэто-

му не включал свет.

Будто повинувшись собственному любопытству, детектив вдруг свернул в сторону. После протяжного скрипа большой дубовой двери, перед ними предстал величественный главный зал. Когда-то в нем устраивались пышные балы и принимались важные гости. Это была не просто гостиная. Точно нет, с такой огромной люстрой из хрусталя и оркестровой сценой в дальней части зала. Стены с плавными изгибами и линиями, были украшены позолоченной лепниной, а бархатный красный ковер, впитавший в себя тень, приобрел почти обсидиановый оттенок. Высокие шторы, сшитые из дорогого, переливающегося шелка, блестели в полумраке, словно звездная пыль.

Все в этом зале было наполнено дорогим изяществом, которым обладала и сама покойная тетя Лилит, принимавшая участие в создание этого интерьера. И даже сейчас она тепло встречала свою любимую племянницу, но лишь в обличие мраморного бюста.

— Тетушка Женье... — прошептала Лилит, разглядывая её холодное лицо, высеченное из камня.

Ришар привел их на просторную, но по-домашнему уютную кухню первого этажа — место, где обычно суежилась слуги. Здесь пахло сухими травами, медной посудой и старым деревом. Знатные особы не посещали это помещение, поэтому дядя Клод решил не тратить на её обустройство много времени и средств. Он посчитал это ненужным. Своей

скромностью она отличалась от других комнат, скорее напоминая одну из комнат поместья Брайт.

— Посидите здесь, мои дорогие. Я сам заварю чай, прислугу я отпустил до утра, — тихим, потухшим голосом произнёс дядя.

Он повернулся к ним спиной, подошел к массивной плите и стал неторопливо звякать фарфоровыми чашками, доставляя из шкафчика банку с заваркой.

Лилит и Ремонд опустили за небольшой деревянный столик для прислуги в углу кухни. Они молчали, но даже эта тишина теперь казалась комфортной, наполненной поддержкой и пониманием.

В какой-то момент, Барнс вдруг нахмурился, полез во внутренний карман своего кожаного портфеля, пытаясь достать блокнот, но случайно зацепил пухлый бумажный конверт. На полированный стол высыпалось несколько официальных фотографий с места обнаружения тела Эммы.

Один из снимков соскользнул прямо к пальцам Лилит.

Девушка невольно опустила взгляд. Это было крупное фото сложенной ладони Эммы, в которой застыл массивный металлический перстень.

Лилит уже видела эту фотографию раньше, но сейчас, под ярким светом кухонной лампы, её взгляд зацепился за детали, которых она не замечала в суматохе:

Перстень был невероятно велик для изящных пальчиков её сестры. Он спадал с её кисти. Более того, гравировка на

внутренней стороне и тяжелый печаточный набалдашник из темного нефрита...

Это было не девичье кольцо Эммы.

— Детектив... — сорвалось с её губ бархатным шепотом, полным неожиданного откровения.

Всего одно это слово заставило мужчину полностью сосредоточиться на ней. Он уловил дрожь в её голосе, с нотками испуга в её взлетевших бровях и ресницах. Все его существование затрепетало в напряженном ожидании, готовясь к тому, что она собиралась сказать.

— Моя сестра... — Брайт запнулась на мгновение, будто слова застряли в горле, — ...она почти не носила колец, а это... явно не похоже на её любимое.

Рем замер, пораженный услышанным.

— Одну минуту...вы в этом уверены? — почти шепотом спросил он.

Его взгляд скользнул по гравировке на внутренней стороне кольца. Там красовалась элегантное "Ришар", шрифт которого теперь казался девушке совершенно чужим.

Лилит судорожно перевела взгляд на спину дяди, стоящего у плиты. В груди девушки всё похолодело. Удушающий страх сжал горло.

Белокурая дама резко наклонилась к Барнсу и прошептала ему прямо на ухо, едва касаясь его своими дрожащими губами:

— Ремонд... мне нужно кое-что проверить. Сидите здесь

и не привлекайте внимания. - настороженно бормотала она.

Барнс мгновенно среагировал. Он больно схватил её за запястье под столом, его глаза округлились от тревоги:

— Лилит, нет! Что вы задумали? Сидите на месте! — прошипел он в ответ.

Из-за невольного движения столик слегка скрипнул. Звук разнесся по гулкой кухне.

Мсье Ришар мгновенно замёрз у плиты с чайником в руках. Он медленно повернул голову через плечо, его глаза впились в сидящих:

— Всё в порядке, дети мои? Вы о чем-то спорите?

Лилит быстро выдернула руку из хватки Барнса и поднялась с пуфика, мгновенно надевая на лицо свою привычную маску холодного спокойствия:

— Всё хорошо, дядя. Просто... меня слишком давит эта кухня. Я хочу подняться наверх, в старую комнату Эммы. Мне нужно побыть среди её вещей пару минут.

Лицо Ришара преобразилось: на нем снова проступила печальная, понимающая улыбка.

— О... конечно, Лилит. Иди, милая. Всё на втором этаже осталось точно так же, как в день её отъезда. Не торопись.

Лилит коротко кивнула и, не глядя на побелевшего от напряжения Барнса, быстро выскользнула из кухни в тёмный холл.

Одинокая лестница прятала под ковром мраморные молнии. Крепко держась за резные перила, они стали подни-

маться наверх. Ступени не издали ни звука под её легкими шагами. Пройдя по темному коридору второго этажа, Первая дверь слева была открыта, словно приглашая войти.

Комната, целиком и полностью посвященная делам семьи Ришар, была не менее роскошной. Но главной гордостью кабинета были портреты предков и грамоты о присвоении титулов, которыми были увешаны стены. Здесь пахло самолюбием и честью, а в темных углах замерла какая-то зловещая тайна.

Не теряя ни минуты, Лилит рылась в ящиках письменного стола

В кабинете, освещенном лишь слабым светом луны, царил беспорядок. Перья, чернила, старые контракты и мелкие записи — встречались на пути к истине. Брайт, подгоняемая тревогой, опрометчиво тратила время, вчитываясь в бесполезные обращения и письма, не приносящие никаких зацепок. Возможно на этом и стоило закончить бессмысленные поиски. Ришар ни в чем невиновен, а убийца где-то кроется. Или, возможно, уже убит — тот почтальон. Но все это было бы слишком просто.

Внутри она торопила себя, когда осознала, что стало слишком тихо. Безумный страх приближался, и Лилит не смогла бы уберечь свое биение.

Чувство опасности лишь усилилось, сдавливая сердце ледяной волной. Но девушка точно знала, что еще не все проверила. И оказалась права.

Со дна нижнего ящика в ее руки попался пожелтевший от времени конверт без какой-либо печати. Руки судорожно развернули бумагу, но глухой звук где-то впереди не дал прочесть и строчки.

Тревога накрыла её с головой, а сердце на миг замерло. Её взгляд метнулся к дверному проему — ни намека на то, что она сможет спастись.

— Ты верно заблудилась, милая Лилит? — вдруг раздался низкий, противный голос, похожий чем-то на скрип старой ставни.

Лилит едва сдержала испуганный вскрик, подавив его где-то внутри себя. Правда была буквально перед носом, но тьма и нервное напряжение устроили западню. Она вздрогнула, отпрянув от стола, но не выпуская конверт из рук. Все внутри заледенело, ноги онемели, а голос сорвался на тихий, дрожащий шепот. Страх ледяными мурашками пробежал по коже, когда она осознала, кто перед ней.

Во тьме дверного проема застыла высокая, массивная фигура. Ночь придавала ей зловещий вид, но этот голос она узнала бы из тысячи. Голос, который раньше казался таким теплым, теперь отдавал безумным холодом.

Щёлкнув знакомой газовой зажигалкой, человек зажег маленький огонек и тут же поднес его к ажурному подсвечнику. В комнате стало чуть светлее. Горячее пламя отбрасывало тени на портреты, ордена и наконец, осветило лицо того, кто стоял в проеме.

— Ты всегда была любопытной, — с тихим вздохом произнес он, а затем издал легкий, но такой раздражающий смешок.

— Это вы... — прошептала Лилит и без того дрожащим голосом.

— Верно, это я. Тебя что-то удивляет? — вероятно, улыбаясь, спросил он.

— Эта зажигалка... она не ваша. Где он? — с беспокойством спросила девушка.

Он нахмурился.

— Ты кажешься слишком болтливой для своего положения, — произнес мужчина, хищно щурясь и переводя взгляд на конверт в её руках. — Вижу ты все-таки нашла эту интересную вещь. Что ж...будь добра, прочитай это.

Лилит замерла, парализованная беспомощностью. Она хотела возразить, но ком горечи мешал проронить хотя бы слово.

— Сейчас же, — повторил он приказным тоном с акцентом грубой серьезности.

С нервной тяжестью Брайт сделала несколько нерешительных шагов, стараясь держаться ближе к свече. Выдержав мучительную паузу, девушка извлекла письмо из конверта и развернула его под дрожащим светом пламени. Мадам глубоко вдохнула и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.